

## ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Анастасии Валерьевны Храбровой

«Поздний Лермонтов и ранний Достоевский: проблема соотношения творческих систем»,  
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Процессы преемственности и полемики, соотношение художественных систем писателей является одной из вечных и до настоящего момента не потерявших своей актуальности в силу неисчерпаемости материала научных проблем. Парадоксально, что при высокой результативности и широком спектре изучения творчества конкретных авторов сравнительный анализ их творческих систем, столь важный для понимания специфики развития литературного процесса, остается своеобразной Terra Incognita, свой исследовательский вклад в разработку которой вносит настоящее диссертационное исследование.

Исходным тезисом А.В. Храбровой является утверждение о существовании сложного имплицитного единства «позднего творчества» Лермонтова и «раннего творчества» Достоевского, которое связано с порубежным характером 1830–1840-х гг., сменой философских и художественных парадигм. В связи с этим представляется убедительным структурирование диссертации и последовательное развертывание логики исследования от анализа теории и методологии к системному исследованию и описанию **актуальной научной проблемы** – «поздний» Лермонтов и «ранний» Достоевский, к характеристике уникальности и своеобразия связи художественных и личных миров писателей, «системному сопоставлению их творческих парадигм» (с. 7) с целью выявления следов преемственности и полемики, лермонтовской традиции в творчестве Достоевского. Терминологически оформляя это сложное феноменологическое единство понятием «творческая система», соискатель делает ядром изучения специфику личностей, персонального писательского опыта и творческих стратегий Лермонтова и Достоевского. Выбранная методологическая установка позволяет А.В. Храбровой выстроить целостное **самостоятельное исследование**, в котором преодолевается ограниченность традиционного подхода к сравнительному изучению творческих парадигм писателей с его аспектуальной ограниченностью на выявлении типологического сходства сюжетов и мотивов, характера психологизма.

**Методологическая база** диссертационного исследования строится на сочетании нескольких теоретических подходов и включает в себя труды по проблемам нарративной специфики творческих систем писателей (Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский и др.), циклизации и ансамблевости (А.С. Янушкевич, В.С. Киселев), синтеза прозаического и лирического начал (Ю.Б. Орлицкий, И.А. Поплавская), жанровой поэтики (В.Н. Захаров,

Ф.З. Канунова, О.Б. Лебедева и др.), хронотопа и феномена Петербургского текста (М.М. Бахтин, Н.П. Анциферов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров), поэтики творчества Лермонтова (Б.М. Эйхенбаум, А.И. Журавлева, Т.Т. Уразаева, Л.А. Ходанен и др.) и Достоевского (М.М. Бахтин, В.Н. Захаров, Е.Г. Новикова, А.А. Казаков, А.Н. Кошечко и др.) и т.д. Подробный анализ истории вопроса демонстрирует установку автора работы на серьезную теоретическую рефлексию, высокую филологическую культуру в отношении к научным позициям предшественников. Значимым также представляется и тот факт, что в выработке собственной исследовательской позиции соискатель во многом опирается на традиции томской литературоведческой школы.

**Материалом исследования** в работе становятся поздние художественные прозаические тексты и поэмы Лермонтова 1836–1841 гг. («Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», «Штосс», «Демон», «Сказка для детей» и др.) и ранняя проза Достоевского 1846–1859 гг. («Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка» и др.), публицистика и письма писателей. Культура обращения и тщательность проработки текстов, оформление репрезентативных цитат из произведений в виде специальных, тематически структурированных приложений к работе (проявления категории случайности, формы и функции «минуты», эксплицитные проявления категории сомнения) сообщает диссертационному исследованию источниковедческую ценность и позволяет использовать представленный материал в эдиционно-комментаторской практике.

Первая глава **«Лермонтов-личность и Лермонтов-художник в сознании Достоевского»** задает основополагающий исследовательский вектор, определяя аспекты преемственности и полемики взаимодействия творческих систем изучаемых авторов через два репрезентативных уровня из творческой коммуникации – личность Лермонтова в восприятии Достоевского (параграф 1.2) и творчество Лермонтова в рецепции Достоевского (параграф 1.3). Важно, что в осмыслении этих уровней связи между двумя выдающимися художниками А.В. Храброва учитывает мировоззренческий и аксиологический ресурс обеих личностей (интересны, в частности, размышления о проблеме индивидуализма, жизни «для себя», демоническом комплексе, проблеме народа). При этом необходимо понимать, что биографический контекст судьбы Лермонтова, сопряженный с мифологизацией его личности современниками, интересен Достоевскому еще и потому, что в период собственного писательского становления через призму судьбы своего предшественника (фактически – ценностно значимого Другого, «такого же, как я») он как личность осмысляет самого себя, самоопределяется. Через это понимание открывается еще один положительный момент предложенной в работе исследовательской диалектики «поздний/ранний»: опыт одного творца становится, хотя и полемически осмысляемым, ресурсом для другого.

Вторая глава диссертации **«Проблема миромоделирования в творческих системах позднего Лермонтова и раннего Достоевского»** задает методологические основания и определяет критерии исследования творческих систем писателей как сложных синтетических феноменов, позволяет впервые целостно описать принципы, объединяющие произведения в систему, преодолев один из традиционных для подобного рода исследований искус ограничиться материалом отдельных произведений без их концептуального и типологического обобщения и включения в это поле столь значимых размышлений об эволюции. Соискатель безусловно прав, когда говорит о таких системообразующих началах позднего творчества Лермонтова, как взаимодействие поэтического и прозаического начал, ориентация на «из-влечение» из души как метод психологического анализа, эклектичность, открытость финалов. Изыскания А.В. Храбровой в области позднего творчества писателя завершаются вполне убедительным суждением о целостности творчества Лермонтова, которое благодаря тесной связи различных произведений, повторяющимся образам героев, формальным совпадениям сюжетов и мотивов, почти дословному воспроизведению фрагментов в разных контекстах может рассматриваться как единый текст. Закономерным и обусловленным логикой исследования представляется и переход во втором параграфе главы к исследованию творческой системы Достоевского через нарративный аспект «целого» и «отдельного», постановку и решение проблемы взаимоотношения автора и повествователя. Используя в качестве основания для классификации тип участия автора в художественном тексте соискатель говорит о доминировании в раннем творчестве Достоевского нескольких повествовательных форм – наблюдатель и соучастник, очевидец, автор-рассказчик и герой-автор. Эти размышления позволяют автору диссертационного исследования обратиться к одному из фундаментальных оснований творческой системы писателя – феномену сознания, причем и как к самостоятельной философской и художественной категории, и как к эстетическому феномену (номинации героев в ранних повестях, способы их коммуникации с читателем, проблема воспринимающего сознания).

Третья глава **«Нарративные стратегии и жанр в позднем творчестве Лермонтова и раннем творчестве Достоевского»** знаменует логический поворот работы к синтезу результатов применения аналитического инструментария через изучение и описание процессов жанрового поиска и создания синтетической жанровой формы, соединяющей традиционные и новаторские явления, повествовательных особенностей монтажного принципа. Особый интерес в этой связи вызывают размышления А.В. Храбровой о реализации категории случайности (параграф 3.2) через жанровые ресурсы новеллы, позволяющей писателям с помощью «парадоксальных поворотов» сюжетов ставить экзистенциальные вопросы и показывать «эволюционность сознаний героев, динамику их поисков и измене-

ния их изнутри» (с. 83). Текущая процессуальность и пограничность периода 1830–1840-х гг., действительно, делают «пограничные жанры» и, в частности, жанр новеллы органичным эпохе и сознанию проживающей ее личности. Можно было бы усилить убедительность выводов автора за счет подключения смысловых акцентов, что именно новелла как сложное синтетическое целое позволяла преодолеть поверхностность психологического анализа, открывала выход к сущностной, экзистенциальной глубине личности, находящейся, с одной стороны, в ситуации игры-поединка с Судьбой (с. 85), с другой стороны, в «пограничной ситуации», сопряженной с реализацией «не-алиби» в бытии и совершением акта персонального выбора и персональной ответственности за его последствия. Отсюда – открытость и незавершенность финалов как знак невозможности дать окончательные ответы на вопросы и поставить точку в развитии и становлении человеческой личности.

Глава четвертая **«Хронотоп как смыслообразующее и объединяющее начало в творческих парадигмах позднего Лермонтова и раннего Достоевского»** посвящена анализу хронотопических моделей как еще одного важного, наряду с жанром, параметра сопоставления творческих систем изучаемых авторов. Опираясь на опыт научного осмысления феноменологии художественного пространства и времени, Петербургского текста, А.В. Храброва справедливо настаивает на соединении двух важнейших аспектов в характеристике хронотопа – индивидуально-авторского и собственно художественного. В частности, в параграфе 4.1 автор диссертации отчетливо обозначает эту принципиально важную для хронотопического анализа идею: писатели не-петербуржцы «не "вышли" из этого пространства, а "вошли" в него, что способствовало формированию собственной концепции, ощущения города» (с. 110). Значимым результатом исследовательской рефлексии является высказанная на с. 113 идея о диалектике Москвы и Петербурга в личностном и творческом универсуме писателей. Но в порядке пожелания к этому разделу хотелось бы заметить, что взаимоотношения героя и пространства Петербурга более сложны и амбивалентны, а отношение к ним писателей при совпадении внешних характеристик по своим внутренним, мировоззренческим и психологическим, мотивировкам существенно отличается. В частности, на с. 117, говоря о влиянии Петербурга на героев, автор диссертации замечает: «герой Лермонтова способен "переживать" реальность, герой Достоевского, проведя всю жизнь в замкнутом пространстве, <...> открывается этому пространству». Эта мысль нуждается в конкретизации, поскольку проблема не только в «отрешенности героя от реальной жизни» (с. 117) и его «болезненном состоянии» (с. 118).

Глава пятая **«Проблема героя в творческих системах позднего Лермонтова и раннего Достоевского»** логически завершает сопоставительный анализ творческих систем, закономерно выходя к фундаментальной категории героя как самосознающего и са-

моопределяющегося субъекта. Решая эту крайне непростую задачу, автор диссертации последовательно и убедительно как в содержательном плане, так и в плане анализа художественных текстов, рассматривает три аспекта – значение и роль феномена чужого «Я», традиция демонизма Лермонтова в творчестве раннего Достоевского, категория сомнения как симптом переходности эпохи 1830–1840-х гг. Значимыми и продуктивными являются принципиально важные для осмысления взаимодействия творческих систем изучаемых авторов выводы А.В. Храбровой о точке встречи размышлений о человеке – тоска «по грядущему», предчувствие перелома у Лермонтова и осознание «перелома, случившегося в общественной жизни и человеческом сознании» у Достоевского (с. 133), о «парадигмальной смене положения главного героя в произведении», его «вытеснении из центра повествования» как нарративного проявления новых ценностных отношений (с. 135), об объединяющей героев категории страдания (с. 135–136) и роли ценностно значимого Другого в самоопределении личности (с. 136–140).

При всей аргументированности сделанных в данной главе выводов дискуссионными представляются следующие моменты:

1. По мнению автора диссертации, «я» лермонтовского героя, который воспринимает себя как субъекта, – основа аксиологии и оценки, герой же Достоевского, находящийся в ситуации суда над самим собой и воспринимающий себя как объект, ориентирован на чужое «я», которое «способно к прощению или оправданию героя» (с. 136). Но вспомним в этой связи размышления Макара Девушкина о «пасквилянтах проклятых», о внешнем взгляде чужого «я», которое не может видеть внутренний мир личности и поэтому происходит процесс «овнешнения» (М.М. Бахтин), которому личность сопротивляется. Необходимо учитывать, что уже в раннем творчестве Достоевского мы видим самосознающего героя, страдающего в большей степени не от осознания своего положения, а от того, что это положение видят и оценивают другие. Причем оценивают субъективно и внешне. Другой может стать своеобразной точкой самоопределения, но только ценностно значимый Другой, которого герой готов впустить в поле своих личностных смыслов (как, например, Варенька для Макара Девушкина, Настенька – для Мечтателя);

2. В размышлениях о традиции демонизма автор ограничивается сугубо литературным контекстом, преодолевающим контекст «христианской морали» и акцентирующем мирозидательный и жизнеутверждающий ресурс данного явления как репрезентации свободы личности. Однако отношение Достоевского к данному феномену значительно отличается от лермонтовского, в том числе потому, что для него как личности христианский аспект восприятия этого феномена аксиологически неустраим. Соответственно, и образ «маленького человека» не может быть однозначно интерпретирован как новый тип, репре-

зентирующий, пусть и в формате переосмысления и полемики, демонические черты романтического героя (с. 156).

Высказанные замечания носят рекомендательный характер, не снижают научной ценности работы и направлены на обозначение перспектив исследования темы, уточнения отдельных положений рецензируемой диссертации в аспекте концептуального обобщения ценных и продуктивных в научном и практическом отношении размышлений.

**Теоретическая значимость** результатов диссертации А.В. Храбровой определяется индивидуальным вкладом автора диссертации в исследование закономерностей литературного процесса в моменты слома историко-литературной парадигмы. Методологически грамотно реализованный автором диссертации историко-литературный подход органично сочетается в работе со сравнительно-типологическим и системно-структурным анализом художественных произведений и позволяет целостно описать характер соотношения творческих систем, жанровую и нарративную специфику поздних текстов Лермонтова и ранних текстов Достоевского. Высокий уровень теоретико-методологической подготовки, репрезентативный материал исследования, глубоко осмысленный контекст русской литературной традиции рубежа эпох и их наследия сообщает научной концепции диссертационного исследования методологическую четкость и аргументированность, а выводам соискателя – обоснованность и достоверность. Можно с уверенностью сказать, что содержащиеся в диссертации А.В. Храбровой конкретные положения и наблюдения внесут существенный **вклад в развитие современного литературоведения**, в том числе в решении проблемы соотношения творческих парадигм в русской литературе для изучения на макроуровнях.

**Практическая значимость** определяется возможностью использования результатов диссертационного исследования в различных сферах научной и педагогической деятельности: в исследовании проблематики и поэтики творчества М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского, в разработке курсов по истории русской литературы, спецкурсов и спецсеминаров по творчеству писателей, анализу художественного текста.

Содержание диссертации прошло необходимую апробацию на научно-практических конференциях различных уровней и получило отражение в 12 публикациях, в том числе, в 4 статьях, опубликованных в научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций. Публикации соответствуют профилю специальности и отражают основные положения диссертации. В автореферате адекватно представлена структура и краткое содержание диссертационного исследования.

Всё сказанное выше позволяет нам заключить, что диссертация «Поздний Лермонтов и ранний Достоевский: проблема соотношения творческих систем» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития филологии, литературоведческих исследований, посвященных истории, теории и поэтике русской литературы XIX века, – исследование процессов преемственности и полемики в развитии русской литературы 1830–1840-х гг. через соотношение нарративной, жанровой и образной специфики художественных систем позднего творчества Лермонтова и раннего творчества Достоевского. Работа соответствует требованиям, изложенным в пп. 9, 10, 11 действующего «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор, Анастасия Валерьевна Храброва, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

09 июня 2017 г.

Официальный оппонент,  
профессор кафедры литературы  
и методики ее преподавания  
федерального государственного бюджетного  
образовательного учреждения высшего  
образования «Томский государственный  
педагогический университет»,  
доктор филологических наук, доцент  
Кошечко Анастасия Николаевна

*Ау*

Nastyk78@mail.ru

*Контактные данные:*

634061, г. Томск, улица Киевская, 60,  
(3822) 31-14-58, rector@tspu.edu.ru  
<http://www.tspu.edu.ru/>

Подпись А.Н. Кошечко заверяю  
Ученый секретарь Ученого совета ТГПУ



Н.И. Медюха